

С. И. ИОРДАНИДИ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

(3-е лицо единственного и множественного числа презенса)

1. Предварительные замечания

Еще в 1958 г., после больших празднеств, посвященных 900-летию Остромирова евангелия (далее ОЕв), была опубликована программная статья Л. П. Жуковской. Эта работа не потеряла своей актуальности до настоящего времени (Жуковская 1985: 34–45). Здесь представлен список проблем, которые стояли, а некоторые из них все еще стоят перед лингвистами, изучающими это Евангелие. По мнению ученого, сфокусировавшего свое внимание не на определенных достижениях в изучении памятника, а на том, что еще недостаточно исследовано и требует дальнейших разработок, Л. П. Жуковская предлагает реестр разноуровневых филологических и лингвистических проблем, работа над которыми требует дальнейших усилий, а иногда и... не началась вовсе. Остановлюсь коротко на некоторых из них. Основная и главнейшая задача – это издание памятника с точным воспроизведением оригинала, с палеографическим описанием памятника, которое должно дать материал для изучения его графики и орфографии и, вместе с тем, для изучения языковых фактов. Требует рассмотрения система разделительных знаков¹; следует также пересмотреть заново проблему протографов ОЕв; сосредоточиться на проблеме места написания памятника и решить ее; на данных фонетики, фонологии, морфологии и синтаксиса, который оказался полностью обойден

¹ Замечу, что системы надстрочных знаков ОЕв подробно описаны В. М. Загребинным (Загребин 2006: 101–182) в исследовании «Диакритика средневековых славянских рукописей». Ученый, сравнив экфонетические знаки в ОЕв и Куприяновских (Новгородских) листках со знаками в греческих рукописях, делает вывод о том, что графические черты, цвет и система расстановки знаков демонстрируют прямую зависимость славянской экфонетической системы от греческой.

вниманием лингвистов, и многое другое. Лидия Петровна не прошла также и мимо проблемы, которая обсуждается в данной статье – о формах 3-го лица глаголов настоящего и будущего времени с окончаниями *-ть /t/* и *-ть /t'²/* и без окончания (как, например, *напише*). Последнее обстоятельство важно для автора данной статьи: проблема остается актуальной, несмотря на множество публикаций на эту тему; вместе с тем ее решение можно рассматривать как предпосылку для дальнейших разысканий возможных вариантов протографов или антиграфов ОЕв, как бы пафосно это ни звучало.

Основной писец ОЕв Григорий четко следовал оригиналу, с которого списывалось Евангелие. Чрезвычайно последовательное проведение в ОЕв презенса с окончанием *-тъ* вызывает недоумение: какие условия способствовали такому масштабному применению этих форм; почему другие русизмы распространялись спорадически? Эти вопросы всегда привлекали к себе внимание историков языка. Однако четкое объяснение этому феномену отсутствует³.

В статье поставлена задача систематизировать комплекс проблем, связанных с Остромировым евангелием 1056–1057 гг. (на фоне старославянских источников), и, по возможности, приблизиться к их разрешению с учетом как старых, так и новейших исследований. Вы сказано предположение о том, что флексия 3-го лица единственного и множественного числа презенса, восходящая к **ti*, закрепившись на некоторой части южнославянской территории как *-ть*, могла фигурировать и в самых древних славянских источниках, в том числе и

² А. Вайан писал: «Являясь редуцированными звуками неясного звучания, «еры» различаются между собой главным образом по твердому или мягкому произношению предшествующей согласной...» (Вайан 1952: 44). Качеством *-ть /t'/* исследователи называют *смягченность* и *мягкость*.

³ Н. М. Каринский в своей работе «Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка» так комментирует эту особенность исследуемого памятника: «Только причина одной особенности Остромирова евангелия остается для нас не вполне ясной – это причина последовательного *-тъ* вместо церковнославянского *-тъ* в третьем лице глаголов. Встречались ли болгарские варианты, соответствующие русскому произношению, затруднялись ли наши предки произносить в этой форме *ъ* на конце слова или же мы имеем дело с каким-либо особым явлением – решить этот вопрос мы не имеем данных» (Каринский 1903: 108).

тех, которые стали протографом исследуемого памятника. Поэтому возобновление поисков и обнаружение протографа расставило бы все «точки над *i*» в решении проблемы флексии -ть: ее регулярность получила бы адекватное объяснение. Обращено внимание также на вариантность флексий, фигурирующих в древнерусских и старославянских рукописях (-ть, -тъ и нулевых), как материала, важного для осмысления и решения проблем, поднятых в данной работе. Статья в известной степени имеет обзорный характер.

2. О происхождении окончаний презенса 3-го лица ед. и мн. числа в древней славянской морфологической системе

2.1. Окончание -ть

В. Н. Топоровым и рядом других ученых ранее установлено, что первым окончанием 3 л. ед. и мн. числа было *-ti > tь*. В. Н. Топоров писал о том, что «реально в древнейших памятниках... в тематическом спряжении представлено три флексии *-tь, -tь* и нулевая флексия» (Топоров 1961: 6). Эти три флексии фигурируют не только в собственно древнерусских, но и в старославянских памятниках, но в разных соотношениях: во-первых, -ть > -тъ, во-вторых, ть < ть. Есть несколько факторов, которые препятствуют более точному суждению о количестве возможных финалей -ть в старославянских рукописях: распространение одноеровой системы (чаще только с ь, редко только с ъ); сложность различения ь и ъ в глаголических памятниках; частое смешение ь и ъ (как, например, в Ассеманиевом евангелии) (Мольков 2013: 110). Сложность решения этого вопроса связана с отсутствием протографов для списанных оригиналов. Приведу точку зрения Ф. Ф. Фортунатова на историю происхождения флексии -ть в ОЕв: «Для меня не может быть никакого сомнения... в том, что в глагольных окончаниях 3-го л. ед. и множ. ч. -ть было написано в большинстве случаев еще в старославянских оригиналах Остромирова евангелия. Ведь во всем памятнике, при громадном количестве примеров для -ть в окончаниях этих форм, -тъ в настоящ. время встречается лишь несколько раз: *идѣтъ* 86, *спѣтъ* 224б, *знѣтъ* 224а, *отъповѣдѣтъ* съж 67а и 130в. Сравн. в Новгородских евангельских листах 26 примеров для -ть в 3-м л. ед.ч., 7 примеров во множ. ч. и только 4 случая -тъ, в ед. числе (*волитъ* 1а два раза, *ходитъ* 1а, *видитъ* 1в), а

между тем в этом памятнике влияние русского языка можно было бы предполагать лишь в *волъаше 1а* вместо *волъаше*» (Фортунов 1908а: 63). Как мне представляется, категоричность ученого в этом вопросе имеет свои аргументы. Что касается *-ть*, то и другие исследователи, в частности, Ф. Ф. Фортунов и С. П. Обнорский, называют его «первичным», «вариантом старейшей формации».

Здесь кажется уместным сказать о том, что большинством исследователей окончание 3 л. ед. и мн. ч. признается типичным русизмом. Так, например, Н. Ван-Вейк утверждает: «... один из русских памятников, а именно Остромирово евангелие, точно отражает старославянские особенности. В частности, окончание *-ть* 3 лица глаголов и почти полное отсутствие вокализации редуцированных якобы указывают на какой-то иной говор, чем говоры, представленные древнеболгарскими памятниками. Но так как все эти особенности очень часто встречаются и в других церковнославянских памятниках русской редакции, то правильнее признать их просто русизмами» (Ван-Вейк 1957: 39–40). И далее: «Собственно древнеболгарские памятники не позволяют нам допустить существование древнеболгарского диалекта с таким же частым употреблением форм на *-ть*, какое мы находим в Остромировом ев., Новгородских листках и Слуцкой псалтыри; *-ть* в этих памятниках надо считать русизмом (в противовес мнению Фортунатова и других русских исследователей)» (Там же: 302). Такую же позицию в отношении исследуемых форм занимает А. Вайан (Вайан 1952: 248–249) и частично ее придерживаются некоторые отечественные лингвисты. Так, Ф. П. Филин отмечает: «...есть определенные основания полагать, что флексия *-ть*... в форме 3 л. ед. ч. была известна и в позднепраславянском» (Филин 1972: 449–453). Ученый считает, что некоторым древнеболгарским говорам было свойственно окончание *-ть*, которое «уже тогда представляло собой архаическое исчезающее диалектное явление». Он отмечает: «...окончание *-ть* характерно для древнерусского церковнославянского языка» (Там же). А. М. Селищев подчеркивает: «В других индоевропейских языках формы 3 л. ед. имели некогда *-ti*, формы 3 л. мн. *-nti*. Напр., др.-инд. *bhárati* – 3 л. ед. ч., *bharanti* – 3 л. мн. ч... Несомненно, в давней славянской морфологической системе форма 3 л. ед. и мн. имела окончание *-tī* → *-ть*» (Селищев 2001: 154). Г. А. Ильинский в своей «Праславянской грамматике» также возводит флексии 3 л. ед. и мн. ч. к *tī* → *ть*. Он полагает, что «окончание

3 л. ед. ч. настоящего времени всех основ продолжает традицию иде. окончания *-tī*... В 3 л. мн. ч. окончание *-ęть, -отъ* также из *-ęti, -oti*» (Ильинский 1916: 476–477). Аналогичную точку зрения высказывает Ф. Ф. Фортунатов: «... общеслав. *-tь* из общиндоевроп. *-ti* в 3-м лице ед. и множ. ч. настоящего времени засвидетельствовано др. русским *-ть*» (Фортунатов 1908б: 1).

В Остромировом евангелии документировано почти сплошное использование этих форм. Так, 3-е л. ед. число представлено такими образованиями, как *вѣтисьѧ, блажить, блазнити, вѣдити, велити, видити, глаголетъ, градеть, даеть, достоити, имлетъ, наплакеть*; 3-е л. мн.ч. – *видать, вѣроуѣтъ, въздадати, възрадочѣтъся, възнщити, възложати, възмогъти, градъти, дадати, нарежъти* и под. Исключение составляют единичные примеры на *-тъ /т/*: *знаеть 224а, идеть 86а, отъпоущаѣтъся 130в, спсѣтъ 224б*⁴. Так, например, М. М. Козловский, вслед за Ф. Миклошичем, И. В. Ягичем и другими выдающимися славистами, полагает, что случаи написания глаголов 3-го лица с *-тъ* можно принять или за простые описки переписчика, или же считать их принадлежностью списка, «послужившего оригиналом Остромирова евангелия... необходимо остановиться на втором предположении» (Козловский 1895: 116).⁵ Такую же оценку рассматриваемым формам дает и Ф. Ф. Фортунатов: «...отдельные случаи написания

⁴ По данным Ф. Ф. Фортунатова, в Куприяновских (Новгородских) листах представлено 26 примеров на *-тъ* в 3-м л. ед. ч., 7 примеров во мн. ч. и только четыре случая *-тъ* в ед. ч. (*воити 1а* два раза, *ходити 1а*, *видити 1а*) (Фортунатов 1908а: 63).

⁵ А. А. Пичхадзе в работе «Языковые особенности древнерусских переводов с греческого» утверждает, что «...лингвистическая норма древнерусских церковнославянских текстов основывается на общеславянских и южнославянских языковых элементах, а восточнославянизмы проникают в тексты такого рода весьма редко» (Пичхадзе 1998: 475). Возможно, это весомый аргумент для интерпретации окончания *-тъ* для древней эпохи не как восточнославянизма? Однако в статье об ОЕв в Большой Российской энциклопедии А. А. Пичхадзе проводит мысль о том, что «вост.-слав. особенностью является окончание *-тъ*, обычно фиксирующееся в О.Е. в 3-м лице глаголов наст. времени в соответствии со старославянской флексией *-тъ*» (Пичхадзе 2004, приведен фрагмент статьи «Остромирово евангелие 1056–1957 гг.» из онлайн-издания Большой Российской энциклопедии).

-ть могли быть внесены в ст. сл. оригиналы Остромирова евангелия под влиянием других рукописей или передавали произношение того или другого из ст. слав. писцов» (Фортунатов 1908б: 4).

На фоне основных форм на -ть другие общепризнанные восточнославянизмы представлены весьма скудно (например, ѣ и ѡ в имперфекте вместо ѣ: видѣахъ вм. видѣахъ; иногда ж вм. жд: заблѣжъшихъ, рожензи, рождество; замена ѣ, ѡ и ѡ посредством ѡ и ю, ѡ и ѡ и наоборот, замена первых последними: мѡдитъ, лѡжавзи; дрѣже, дрѣгаѡ; полногласие в 3-х случаях, два из них в «послеловии» Григория (новѣгородѣ, володимира и перегънѣвъ); смешение е и ѣ; написание твор. п. ед.ч -зь, -ь, конкурирующее с южнославянским -омь, -емь.

2.2. Окончание -тъ

Если об источнике происхождения -ть вопрос, как нам представляется, вполне решен, то время и условия появления форманта -тъ остаются невыясненными. Определенность в этом вопросе внесли бы протографы, которые пока не найдены, а Новгородские (Куприяновские листки) – всего лишь возможный промежуточный оригинал для текста ОЕв (хотя на этот счет существуют разные мнения).

Происхождение флексии -тъ на славянской языковой территории до сих пор остается загадкой, хотя предпринимались неоднократные попытки ее решения. В. Н. Топоров еще более полувека тому назад предрекал безуспешность таких попыток. Он писал: «По-видимому, вопрос о происхождении -тъ принадлежит к числу таких в славянском языкознании, которые пока лучше оставить без объяснения, и не столько потому, что его решение слишком сложно... сколько из-за того, что пока, видимо, нет средств, чтобы доказать правильность того или иного решения. Поэтому более целесообразным было бы просто констатировать факт наличия такого окончания и описать условия его употребления и его распространения...» (Топоров 1961: 67). Одна из гипотез о происхождении окончания 3-го л. ед. и мн. ч. -тъ «в славянской группе, легшей в основу болгарской», принадлежит А. М. Селищеву. «Окончание -тъ этих форм ранее второй половины IX в. изменилось в -тъ. Это изменение было связано с теми значительными фонетическими процессами, которые были пережиты славянскими группами в доисторическую эпоху и в разные периоды исторической жизни» (Селищев 2001: 154). Такую попытку сделал

Ф. Ф. Фортунатов в своем исследовании «Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов», стараясь выявить причины, из-за которых в старославянском закрепилась вторичная форма -тъ, а не первичная -тъ, выдвинул гипотезу, согласно которой исконное вторичное окончание *-t, утраченное в силу фонетического закона, в дальнейшем было осложнено указательным местоимением *тъ (Фортунатов 1908б: 1–44). А. Мейе предложил достаточно простое объяснение появлению этой флексии – отвердению -tъ (Мейе 1951: 256–257). Есть и другие гипотезы, но окончательное решение этого вопроса остается проблематичным.

Ф. Ф. Фортунатов, обратив внимание на регулярность -тъ-форм 3-го лица глаголов в ОЕв, высказал предположение о существовании старославянского (болгарского) протографа с этими формами. Замечу, кстати, что в Словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в соответствующей статье есть такой пассаж: «К несомненно древним особенностям Остромирова Евангелия, бывшим в его оригинале, относятся: 1) сохранение глухих ѣ и ѣ, которые пропускаются очень редко; 2) употребление ть в 3 единств. и множ. чисел в спряжении глаголов; 3) постоянное употребление эпентетического л (земли) [автор – А. И. Лященко (им написан ряд статей по истории русской литературы в этом словаре; статья подробная, в том числе и с филологическими комментариями)] (Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона).

В рецензии А. И. Соболевского на «Исследование о языке Остромирова евангелия» М. Козловского указан главный недостаток этой работы: невнимание к показаниям других памятников русской редакции периода XI и XII в. (Соболевский 2006: 457). Однако в защиту М. Козловского можно привести тот немаловажный факт, что он очень подробно сравнил фонетические и морфологические особенности ОЕв с аналогичными особенностями в основных старославянских рукописях – Мариинском, Зографском евангелиях, Саввиной книге, Супрасльской рукописи и др. Считаю упрек А. И. Соболевского все-таки справедливым, приведу материалы засвидетельствованных здесь форм на -тъ из разных памятников этого хронологического среза. Итак, в Изб 1073 формы на -тъ отмечены 16 раз, в Изб 1076 – 4 раза (въсхѡдитъ 21об.8; ѡстѣъ 90.8; подѡбаетъ 97.9; глѣтъ 225об.23 – 226.1); в Ильиной книге XI в. 3 примера – прѣвкланаетъ 104; поетъ 31, текѡтъ 50; в списке 13-ти слов Григория Богослова эта финаль засвидетельствована 70 раз!; в Пандектах Антиоха XI – «почти господ-

ствует». Велико число образований на -тъ в Погодинском евангелии – 133: възьтъ, естъ, сочѣтъ; подобяетъ, глѣтъ, приемлетъ, творятъ, износитъ и мн. др. Эти данные приведены в работе Г. А. Молькова (Мольков 2020:188–190)⁶.

2.3. Флексии 3 л. ед. и мн. ч. презенса в древнейших славянских памятниках

Представляю также материалы по функционированию форм -тъ в старейших старославянских евангелиях. Согласно изысканиям А. М. Кузнецова, нетривиальное окончание 3 л. ед. ч. -тъ презенса и аориста в Зографском евангелии представлено в следующих случаях: Мф 5:18: писма единого, ли единая чръта не *пръидеть* отъ закона; Мф 5:19: *и наоучить* тако чкъзи; Мк 2:10: власть *имать* снѣ чкъзи; Мк 12:2: да отъ тяжателъ приметъ, отъ плодъ винограда; Лк 2:10: се бо благовѣствующъ вамъ радость великъ. еже *бѣдетъ* всѣмъ людемъ; И 14:26: тъ възи наоучить всемоу; ѣсть в Мк 5:9; в Мк 1:9 отмечен глагол възити в форме аориста с приращением -тъ: *и възить* възъ дъни тъзи (Кузнецов 2022).

⁶ Проблема происхождения окончания -тъ в древнерусском также остается до сих пор нерешенной. Ею занимались многие выдающиеся отечественные лингвисты (А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Б. М. Ляпунов, А. М. Селищев, С. П. Обнорский и др.), но ни одна из гипотез не дает точного ответа на этот животрепещущий вопрос. Так, Шахматов выдвигает фонетическую теорию, в соответствии с которой глагольная флексия -тъ в севернорусских говорах появилась в связи с отвердением конечного *t* после падения редуцированных. Эта теория вызвала ряд возражений у С. П. Обнорского, Ф. П. Филина, П. С. Кузнецова и других исследователей. Возражения эти известны историкам языка, и я не буду на этом подробно останавливаться. С. П. Обнорский полагает, что формы 3 л. ед. числа в определенных семантико-синтаксических условиях присоединяли постпозитивный член -тъ, *та, то*, образуя таким образом формы типа *idelideto* (Обнорский 1953: 176–177). П. С. Кузнецов обращает внимание на менее напряженное произношение согласных в севернорусских говорах: «Твердые... согласные произносятся с меньшим напряжением, чем мягкие... Поэтому все наши говоры, одни в меньшей, другие в большей степени, отразили отвердение конечных согласных, в прошлом смягчавшихся перед ь» (Кузнецов 1956: 176–177).

Аналогичные формы засвидетельствованы и в Мариинском евангелии – *послоушьствоуеѣтъ* в ЮрЕв); *свѣдѣтельствѣиѣтъ* (заменено в ОЕв на *свѣдѣтельствова*); *вѣрж имѣтъ имѣ* (заменено на *вѣроуѣжѣтъ* в ЧудНЗ). Отмечена также аористная форма *взисть* с приращением -сть: *Бзисть члкъ посланъ тѣ ба*, замененная в Карпинском и Мирославовом евангелиях формой *взистъ*.

Отдельные случаи с -тъ в церковнославянских памятниках замечены Н. Ван-Вейком в Мариинском (*просать*) и Ассеманиевом евангелиях (*поклонать*, хотя здесь «неправильно» употребляется *ь*) (Ван-Вейк 1957: 303); в Саввиной книге В. Н. Щепкин насчитал 14 таких случаев: *моудить*, *мынить*, *нѣсть* (2 раза), *есть*, *взисть*, *вѣсть* (2 раза), *дасть*; Зл. мн. ч. – *просать*, *поклонать*, *сѣтъ* (2 раза); есть 5 случаев исправления -тъ из -ть: *служитъ*, *вчьнетъ*, *ходитъ*, *несть* (2 раза), *есть*, *отъпоуетитъ*; А. Вайан приводит один пример 3 л. ед. ч. презенса на -тъ [Иов II, 8]: *строужеть* от гл. *стръгати* (Вайан 1952: 302). Формам на -тъ и тѣ в старославянских рукописях уделено внимание В. Вондрака (Vondrák-Grünenthal 1928: 112).

Следует сожалеть о том, что подробных описаний орфографии рукописей мы до сих пор не имеем, и «актуальным остается внимательное изучение графико-орфографических явлений старославянских памятников письменности» (Кузнецов 2022: 90). Наличие такого материала в обороте исследователей позволило бы в той или иной степени приблизиться к вопросу о судьбе «еров» в системе славянского глагола.

2.4. Нулевое окончание

Необходимо осмыслить также тему появления и распространения форм глагола с нулевым окончанием, которые фиксируются уже в древнейших памятниках (*напише*, *взълуби*, *проси*, *испълни* и др.). Хронологическая приуроченность этих форм в кругу исследователей давно установлена. Так, например, А. И. Соболевский, приняв во внимание все известные ему нулевые образования, утверждает: «...надо думать, что формы 3-го лица настоящего времени без -тъ восходят к праславянскому периоду» (Соболевский 2006, 2: 650). На наибольшую древность этих форм, возводя их также к праславянскому языку, указывал А. М. Селищев в рецензии на «Очерк истории русского языка» Н. Н. Дурново (Селищев 1927: 328–329). Древность форм без -т не вызывает сомнений у П. С. Кузнецова. Ученый подчеркивает, что

«начиная с древнейших дошедших до нас памятников в 3-м лице настоящего времени наблюдаются колебания между формами с -ть и или -тъ и формами без этого окончания» (Кузнецов 1961: 101). П. С. Кузнецов, сопоставив материалы А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, А. В. Арциховского, приходит к выводу о том, что «на наибольшую древность именно этих форм (единственного числа I спряжения) (разрядка наша. – С. И.) указывает и сравнение с некоторыми другими славянскими языками» (Кузнецов 1956: 180).

Глубоко исследовав обсуждаемую проблему, В. Н. Топоров утвердился в мысли о том, что «форма без флексии в 3 л. ед ч. настоящего времени существовала у глаголов тематического спряжения с древнейших доступных наблюдению эпох праславянского языка» (Топоров 1961: 67). Возражая А. А. Зализняку по поводу его трактовки некоторых особенностей истории глагольных форм 3-го л. настоящего времени древненовгородского диалекта, В. Б. Крысько пишет: «Прежде всего представляется не совсем правильным говорить «об утрате -ть» в формах типа *живе*: по-видимому, нулевое окончание и флексия -ть являются параллельными, праславянскими по происхождению образованиями, восходящими соответственно к индоевропейскому «вторичному» (*t) и «первичному» (*ti) окончаниям» (Крысько 1994: 24)⁷.

⁷ Такое понимание истории форм без -ть/-тъ находим у А. И. Соболевского: «Обыкновенно их объясняют из форм, некогда имевших суффикс -ть или -тъ, но впоследствии его утративших. С этим объяснением нельзя согласиться, потому что если бы отпадение в указанных формах -ть или -тъ было фонетическим явлением, то оно распространилось бы и на такие существительные, как *сѣть*, *печать*, *путь* или как *коть*, *ръть*... все славянские языки даже в настоящее время не отличаются способностью бесследно утрачивать целые слоги; в праславянский же период, когда ъ и ѣ были звуками, – можно сказать наверное – они ею не обладали» (Соболевский 2006: 65). Альтернативное истолкование исследуемой флексии выдвинул Г. А. Ильинский: «окончание 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. 0 (ноль) предполагает отпадшее еще в прасл. яз. -тъ, – несомненно под влиянием исторических форм. Так объясняются не только цсл. *nese*, *vede*..., но и господствующее почти исключительно в прочих слав. языках *nese*, *vede*...» (Ильинский 1916: 479).

Вывод историков языка о том, что в текстах раннего периода образования без *-т-* фиксируются редко, основан на слабой изученности языка древних рукописей⁸. В исследуемом памятнике отмечено всего несколько таких форм: *ѣ* (вм. *есть*), *възгласи* (и *авиѣ коуръ възгласи* 163г); *напише* (*ѣко написахъ еоу(г)лине. да иже горадиѣ сего напише. то не можи зазърѣти мнѣ грѣшникуу* 295б). Нулевые образования засвидетельствованы в других текстах XI в.: *къто може ѿпочпати грѣхы* ЕвАрх, 49; *къто може съ симъ побѣдити са* ПСин 157бб; *а господарь въз не тлжѣ не двѣ* ГБ. Несколько подобных примеров приведено А. И. Соболевским из Изб 1073: *нарицаѣ, боли, бжде, бываѣ, соу*; из Мин 1095: *обраце*; в приписке к ЮрЕв: *въдаѣ* (Соболевский 2004, 1: 249). Ученый подчеркивает, что формы без *-т-* в памятниках, списанных со старославянских оригиналов, «могут быть считаемы за принадлежащие не русскому, а церковнославянскому языку. В более поздних северно-русских памятниках подобные формы встречаются, но сравнительно редко» (Там же). Точку зрения о древности происхождения, сначала форм 3-го лица ед. числа I спряжения, а позднее и форм II спряжения ед. и мн. числа в русском языке, уходящего своими корнями в праславянскую эпоху, представлена в работах Обнорского, Кузнецова, Филина (Обнорский 1953: 126; Кузнецов 1956: 181; Филин 1972: 456) и мн. др. Однако приведенные выше материалы, являющиеся, по существу, не системными, совсем не отражают ситуацию с нулевыми образованиями в старославянской письменности древнерусского извода. Как показал О. Ф. Жолобов, некоторые из текстов этого периода демонстрируют «трудно-

⁸ Как показывает практика исторических описаний того или иного периода, исследователям нужен системный, статистически обработанный языковой материал для адекватного представления фактов языка и процессов, стоящих за этими фактами. В нашем случае ощущается большая потребность в точных цифрах *ерофикации* и *ерефикации* (т. е. замены форм на *-ть* формами на *-ть* и наоборот). Как справедливо отмечает В. М. Живов, «в истории древнерусской книжности отмечается «экспансия» орфографического приема, который древнерусские книжники использовали при устранении одной из южнославянских черт – замены *-тѣ* на *-ть* в 3 лице глаголов в настоящем времени» (Живов 2017: 719). Аналогично в древнецерковнославянском: выскобленные или стертые глагольные окончания *-ть* заменялись на *-тѣ* (например, в Мариинском евангелии и Саввиной книге).

обозримое» количество нулевых форм. Так, в Изборнике 1073 г., древнерусском списке старославянского Симеонова сборника, по подсчетам ученого, обнаруживаются такие формы, как *нѣ* (3 л. ед. ч.) – 180 словоформ в половине текста; *вѣдѣ* и *боудѣ* (3 л. ед. ч.) встретились 72 раза, а *сѣ* и *сѣ* (3 л. мн. ч.) – 42 раза (Жолобов 2016: 27). Есть примеры тематических форм глагола без *т*: *сѣдържи вѣса*; *дѣлази сѣ отъзмештоу*; *него же хоште ожесточи*; *обраще вѣрма* и мн. др. (Там же: 27–28). Нулевые формы презенса весьма частотны и в Синайском патерике, здесь их зафиксировано более 50: *не хоше*, *боудѣ*, *вѣдѣ*, *принесѣ*, *не охѣдѣ*, *не можѣ*, *да не отъснѣ* и мн. др. (Там же: 38–39). Эти ценные свидетельства распространения нулевых форм в XI в. подтверждаются данными, извлеченными из старославянских памятников: свыше 20 случаев отмечает Вондрак (Vondrák-Grünenthal 1928: 490), только в Супрасльской рукописи – свыше 80 раз Вечерка (Večerka 1993: 144). Аналогичные формы отмечены А. Вайаном: *достои ли Марк III, 4, Зогр*; *да не вѣдѣ Марк XIII, 18, Мар.*; ср. также три примера с *ѣ* в Клоцевом сборнике, три в Саввиной книге и др. (Вайан 1952: 249). В берестяных грамотах также обнаруживаются эти формы: *вѣдѣ* (10), *идѣ* (737), *не боудѣ* (18, 271, 374), *хоше* (19, 227), *придѣ* (43, 784), *повѣдѣ* (53), (челомъ) *бѣдѣ* (97). Для уяснения истории форм без *-т* интересен следующий пассаж А. А. Зализняка: «Для др.-новг. спряжения характерно прежде всего явное преобладание в 3 ед. и 3 мн. презенса словоформ без *-ть* – независимо от типа спряжения и от места ударения. Судя по данным современных говоров, это черта новг.-пск. происхождения. Сев.-вост. великорусские говоры словоформ без *-ть* практически не знают, и такова же наддиалектная форма» (Зализняк 2004: 152–153). Однако этот вывод недостаточно аргументирован. О своих сомнениях по поводу происхождения нулевых форм в новг.-пск. диалекте пишет О. Ф. Жолобов: «Обращение к древнеславянской, в том числе древнерусской книжной письменности, которая в большинстве своем остается неизученной, не позволяет согласиться с представленными выводами об особых характеристиках нулевых форм исключительно в новгородско-псковском регионе» (Жолобов 2016: 34–35). При этом приводится ряд аргументов, которые не могут здесь обсуждаться в силу понятных причин – это не основная, а побочная тема данного опуса.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в ОЕв, как в других старославянских и древнерусских памятниках, обнаруживаются все

особенности форм 3-го л. ед. и мн. числа презенса – их вариативность, хотя нулевые формы и формы на -тъ здесь достаточно редки.

3. О возможных протографах Остромирова евангелия

Вопрос о протографах ОЕв еще далек от своего решения. Имеющиеся по этой проблеме гипотезы условно можно разделить на две группы: в первой оригиналом признаются Куприяновские листки или некая третья рукопись, с которой списаны оба памятника; а во второй – иные источники. Первая точка зрения четко сформулирована Ф. Ф. Фортунатовым: «...особенно важно в этом вопросе свидетельство Новгородских (Куприяновских) листов. Этот небольшой памятник (сохранилось лишь два листа) содержит в себе текст евангелия-апракоса, совпадающий с текстом Остромирова евангелия, и не может быть никакого сомнения в том, что Остромирово евангелие и Новгородские евангельские листы восходят к одному общему для них оригиналу» (Фортунатов 1908б: 41). Весьма убедительны разыскания историка и палеографа В. А. Мошина, который исследовав в комплексе языковые, орфографические и художественные особенности Куприяновских листков и ОЕв, пришел к выводу о том, что первый памятник послужил протографом при написании ОЕв (Мошин 1983: 7–64). Это утверждение нашло отклик в работах А. А. Алексеева, предоставившего ряд аргументов исторического и филологического характера, подтверждающих, что ОЕв переписано с кодекса, фрагментами которого являются Куприяновские листки⁹. Как подчеркнул А. А. Алексеев (Алексеев 2010: 46), «древность текста, представленного в Остромировом евангелии, также говорит в пользу того, что оригинал возник в первой половине X в. Текст Остромирова евангелия, Куприяновских листков и Саввиной книги обладает всеми признаками общего происхождения...» (Алексеев 2010: 46). Иные

¹⁰ О Куприяновских (Новгородских) листах (листочках) известно следующее: найденная в библиотеке новгородского Софийского собора, эта рукопись вызвала чрезвычайный интерес. Ее происхождение и отношение к ОЕв вызвало активное обсуждение в кругу ученых-славистов, которое продолжается до сих пор. ОЕв вместе с тремя другими евангелиями (Ассеманиевым, Мариинским и Зографским) служит материалам для реконструкции кирилло-мефодиевского перевода Евангелия по причине древности и серьезной традиции текстологического изучения, как и три других евангелия (Люсен 1995: 7).

мнения или просто рассуждения на заданную тему могут быть проиллюстрированы следующими свидетельствами.

Приведу цитату из «Рассуждений о языке Саввиной книги» В. Н. Щепкина: «Саввина книга – старославянский оригинал Остромирова евангелия» (Щепкин 1899: 175), а также: «Остромирово евангелие свидетельствует о таком ст. слав. наречии, в котором формы 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени оканчивались на -ть из общеславянского -*тъ*, а отдельные случаи написания -*тѣ* могли быть внесены в старославянские оригиналы Остромирова евангелия под влиянием других рукописей или передавали произношение того или иного из старославянских писцов» (Там же)¹⁰.

Но эти данные все же не снимают вопроса ни об оригинале ОЕв и Куприяновских листков, поиски которого, возможно когда-нибудь увенчаются успехом, ни о необходимости поисков реального протографа ОЕв. Считаю уместным вспомнить здесь слова И. В. Ягича, который в Приложении к изданию Маринского евангелия писал: «Подлинник Остромирова Евангелия... был кирилловский список евангельских чтений, сделанный в северо-восточной Болгарии в X веке, труд литературной эпохи Симеоновской» (Ягич 1883: 450). Впрочем, никаких более подробных указаний о территориальной и хронологической отнесенности протографа ученый не приводит. Возможное решение проблемы о поиске протографа ОЕв напрашивается само собой: не начать ли поиски сведений о нем или в архивах И. В. Ягича, или же в какой-нибудь из его многочисленных публикаций, например, в основанном им журнале «Archiv für slavische Philologie», просуществовавшем 44 года? В письме к А. А. Шахматову от 5 октября 1881 г. И. В. Ягич замечает, что окончание -*ть* глаголов «не

¹⁰ Добавлю интересные рассуждения В. Н. Щепкина на эту тему: «Отдаленный македонский оригинал Остромирова евангелия может быть относим к довольно глубокой древности, но это предположение ничего не прибавляет к истории древнейшей славянской письменности. Несравненно более света проливает на эту историю другая, более поздняя, но все еще старославянская редакция, наложенная на текст Остромирова евангелия. Существование такой редакции есть неоспоримый факт... Если бы эта догадка оправдалась, мы нашли бы в Остр. драгоценный образец восточно-болгарского наречия на древнейшей его ступени: до перехода *ь* в *е*, до массового исчезновения звуков *ѣ* и *ѣ* в известном положении...» (Щепкин 1899: IV).

чисто древнерусская черта» и поддерживает желание А. А. Шахматова взяться за изучение написаний ѣ и ѵ «во всех древнерусских памятниках». И. В. Ягич подчеркивает: «пора нам различать филологию от палеографии» (Ягич 1963: 223).

И опять возвращаюсь к необходимости поисков оригинала ОЕв. К. Ф. Калайдович в работе об Иоане Экзархе писал: «Шлёцер, знаменитый критик Нестора, надеялся, что в Булгарских монастырях могли бы отыскаться рукописи, писанные древним кирилловским письмом. Хотя никто, сколько мне известно, не занимался разбором тамошних книгохранилищ» (Калайдович 1824: 7).

Таким образом, информация, которая, конечно же, требует не только размышлений, но и подкрепления конкретными материалами, все-таки есть.

До сего времени нет единодушия в вопросе о том, какой язык отражен в ОЕв – древнерусский или старославянский. М. Козловский во введении к своему исследованию «О языке Остромирова евангелия» пишет о том, что «Востоков признал его памятником древнего церковно-славянского языка русской рецензии» (Козловский 1895: 5). Но вот мнение самого А. Х. Востокова: «...рукопись сия особенно достопримечательна, как ближайший к началу словенской письменности памятник церковно-словенского языка» (Востоков 1843: II). Л. П. Жуковская утверждает, что ОЕв «сравнительно одиноко среди других русских списков евангелия XII–XIV веков, подавляющее большинство которых относится к так называемой «русской редакции». Остромирово евангелие – один из важнейших памятников старославянского языка». Исследователь называет оригинал ОЕв «древнейшей славянской датированной книгой» (Жуковская 1976: 226).

Многие авторы солидаризуются с таким определением характера языка ОЕв. Н. Ван-Вейк, напротив, полагает, что ОЕв имеет настолько сильный руссифицированный язык, что его нельзя относить к старославянским памятникам» (Ван-Вейк 1957: 54)¹¹. О. Г. Ульянов,

¹¹ Далее Н. Ван-Вейк развивает эту точку зрения, подчеркивая, что «для изучения старославянской фонетики и морфологии Остромирово евангелие является не более ценным источником, чем Пандекты Антиоха и некоторые другие древнерусские памятники или Мирославово евангелие сербской редакции» (Ван-Вейк 1957: 56). Однако мнения других исследователей по этой проблематике не столь категоричны, скорее противоположны.

один из многих современных исследователей языка ОЕв, склонен причислить его «к числу первых памятников старославянского языка русской редакции» (Ульянов 2011: 174). Как бы ни называть язык, которым написано ОЕв, он, прежде всего, несет в себе особую функцию, о которой писал Н. Н. Дурново: «Русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., помогают судить и о самом ц.-сл. языке, и об эволюции его у южных славян в XVII в. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма» (Дурново 2000: 392).

Итак, мои наблюдения свидетельствуют о наличии вопросов, которые остаются нерешенными, несмотря на огромную литературу и множество гипотез, существующих по очерченному кругу проблем.

Резюмируя, подчеркну: наличие -ть в древние времена не подлежит сомнению; эта флексия фигурировала в древнецерковнославянских памятниках, которые до нас не дошли. О первичных («примарных» – в трактовке Г. А. Ильинского) флексиях в переводах Кирилла и Мефодия мы ничего не знаем. Далее имеет место быстрый процесс отвердения *ть* → *тъ*. В древнерусском на протяжении XI–XIII вв. документируется флексия -ть, потом также приходит время её отвердения (по разным диалектным территориям). Причины этого отвердения загадочны, и их «отгадка» требует еще больших усилий со стороны заинтересованных исследователей.

4. Вместо заключения

К словам Л. П. Жуковской, приведенным ранее, позволю себе добавить, что роль ОЕв неопценима для нас с лингвистической, исторической и культурологической точек зрения, как бы тривиально это не звучало. А что сделали мы для ОЕв? Действительно, у нас до сих пор нет еще научного, полностью адекватного оригиналу издания памятника с применением палеографии высокого качества и всестороннего представления материала (немалый опыт таких изданий у нас есть). Тогда каждый из специалистов по графике, орфографии, лексикологии, лексикографии, фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксиса найдет для себя здесь широкое поле деятельности с возможностью глубоко вникнуть в каждую из проблем, подробно её описать, внося, если понадобится, необходимые коррективы в уже имеющиеся наблюдения. В процессе подготовки нового издания па-

мятника полезным будет обращение к ОЕв, опубликованному в 2007 г., в котором собраны опечатки, найденные в издании А. Х. Востокова (Остромирово евангелие 2007: I–XXXVIII); этот новый материал, несомненно, приблизит нас к более точным знаниям о графике и орфографии ОЕв и его лексико-грамматической системы. Как мне представляется, перевод и публикация русского текста ОЕв также входит в число приоритетных задач его будущих издателей.

Разумеется, некоторые из предложенных здесь выводов неокончательны; некоторые из приведенных в статье альтернативных гипотез в той или иной степени могут поколебать или даже изменить детали, но не общую картину, обозначившуюся в результате анализа большого и разнопланового материала по названным проблемам.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

- ГБ – Тринадцать слов Григория Богослова, рукопись XI в.; изд-е: XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки / Издание А. Будилович. СПб., 1875.
- ЕвАрх – Архангельское евангелие, рукопись 1092 г.; изд-е.: Архангельское евангелие 1092 года / Изд. Л. П. Жуковской, Т. Л. Мироновой. М., 1997.
- Изб 1073 – Изборник 1073, рукопись 1073 г.; изд-е: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880 г. Факсимильное издание / научный аппарат создан под рук. Л. П. Жуковской М., 1983.
- Изб 1076 – Изборник 1076, рукопись 1076 г.; изд-е: Изборник 1076 года / Изд. М. С. Мушинской, Е. А. Мишиной, В. С. Гольшенко / Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. 1.
- Мин 1095 – Минеи 1095–1097 гг., рукопись 1095–1097 гг.; изд-е: Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 – 1097 г. / Изд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886.
- ОЕв – Остромирово евангелие, рукопись 1056–1057 гг.; изд-е: Остромирово евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста Евангелий... / Издание А. Х. Востокова. СПб., 1843.
- ПСин – Синайский патерик, рукопись XI–XII вв.; изд-е: Синайский патерик / Изд. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровиной. М., 1967.
- ЮрЕв – Юрьевское евангелие XII в., рукопись XII в. ГИМ. Син. 1003.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2010 – *Алексеев А. А.* Остромирово Евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания // Остромирово евангелие и современные исследования новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 41–59.
- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952
- Ван-Вейк 1957 – *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
- Дурново 2000 – *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 381 – 495.
- Живов 2017 – *Живов В. М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. I.
- Жолобов 2016 – *Жолобов О. Ф.* Древнерусский глагол. К истории презенса. Казань, 2016.
- Жуковская 1958 – *Жуковская Л. П.* Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Труды Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. Т. V. С. 33–45.
- Жуковская 1976 – *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших памятников. М., 1976.
- Загребин 2006 – *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности // Диакритика средневековых славянских рукописей. М; СПб., 2006. С. 101–182.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ильинский 1916 – *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Калайдович 1824 – *Калайдович К. Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и XI столетий. М., 1824.
- Каринский 1903 – *Каринский Н. М.* Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1903. Ч. 347. Т. VII. С. 94–110.
- Козловский 1895 – *Козловский М. М.* Исследование о языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. I–III.
- Кузнецов 2022 – *Кузнецов А. М.* Отражение слабых еров в Зографском евангелии // Valoda-2022. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXXII Ziņātņiskorakstu krājums / Atb. red. S. Polkovnikova. Daugavpils: «Saule», 2022 (в печати).

- Кузнецов 1956 – *Кузнецов П. С.* К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке // *Savia. Praha*, 1956. Roč. XXV. Seš. 2. S. 175–183.
- Крысько 1994 – *Крысько В. Б.* Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // *Вопросы языкознания*. 1994. № 6. С. 16–30.
- Кузнецов 1961 – *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Люсен 1995 – *Люсен И.* Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Мольков 2013 – *Мольков Г. А.* Написания еров на конце строки в Ассеманиевом евангелии // *Linguistica brunensia*. 2013. Vol. 61. Iss. 1–2. S. 111–121.
- Мольков 2020 – *Мольков Г. А.* Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века: Дисс. докт. наук. СПб., 2020.
- Мошин 1983 – *Мошин В.* Новгородски листићи и Остромирово јеванђеље // *Архиографски прилози*. Београд, 1983. Бр. 5. С. 7–64.
- Обнорский 1953 – *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Остромирово евангелие 2007 – *Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию Востокова А. Х. (1843)*. М., 2007.
- Пичхадзе 1998 – *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Пичхадзе 2004 – *Пичхадзе А. А.* Остромирово евангелие 1056–1057 гг. // *Онлайн изд-е Большой Российской энциклопедии*. М., 2004.
- Пичхадзе 2011 – *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в Домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.
- Селищев 1927 – *Селищев А. М.* Рецензия на «Очерк истории русского языка» Н. Н. Дурново // *Известия ОРЯС АН. М.; Л.*, 1927. Т. XXXII. С. 328–329.
- Селищев 2001 – *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 2001.
- Соболевский 2006 – *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2.
- Топоров 1961 – *Топоров В. Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1961. Вып. 5. С. 35–70.

- Ульянов 2011 – *Ульянов О. Г.* Происхождение Остромирова евангелия: к реконструкции инструкторского Устава на Руси // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб., 2011. С. 164–193.
- Филин 1972 – *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Фортунатов 1908а – *Фортунатов Ф. Ф.* Состав Остромирова евангелия / Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. СПб. 1908. С. 1–64.
- Фортунатов 1908б – *Фортунатов Ф. Ф.* Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов (посвящается Игнатию Викентьевичу Ягичу) // Известия ОРЯС АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2. С. 1–44.
- Щепкин 1899 – *Щепкин В. Н.* Рассуждения о языке Саввиной книги. СПб., 1899.
- Ягич 1883 – *Ягич И. В.* Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
- Ягич 1963 – *Ягич И. В.* Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.; Л., 1963.
- Večerka 1993 – *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg i. Br., 1993 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. T. XXXIV (XXVII, 2)).
- Vondrák-Grünenthal 1928 – *Vondrák V.* Vergleichende Grammatik von Dr. W. Vondrák. II: Formenlehre und Syntax / Aufl. neubeab. von Dr. O. Grünenthal. Göttingen, 1928.

Sofia I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

To the Question of the Verbal Forms of the Ostromir Gospel (3rd Person Singular and Plural in the Praesens)

The article sets the task to systematize the complex of problems associated with the Ostromir Gospel of 1056-1057 (against the background of Old Slavonic sources), and, if possible, to approach their resolution, taking into account both old and newest studies. It is suggested that the inflection of the 3rd person singular and plural of present, ascending to *ti, having been fixed in some part of the South Slavic territory as -тъ, could also appear in the most ancient Slavic

sources, including those that became the protograph of the monument under study. Therefore, the resumption of the search and the discovery of the protograph would dot the i's in solving the inflection problem: its regularity would receive an adequate explanation. Attention is also drawn to the variance of inflections appearing in Old Russian and Old Slavonic manuscripts (-тъ, -ть and zero), as important material for understanding and solving the problems raised in this work. The article is a review to a certain extent.

Key-words: Ostromir gospel, present tense, forms /t'/, /t/, Proto-Slavic, Old Church Slavonic, Old Russian